

УДК: 94(510/47.08)

Проблема урегулирования приграничных вопросов между Россией и Кореей (1860—1885)

Александр Юрьевич Иванов,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры корейского
языка ДВГГУ, Хабаровск.
E-mail: ivanoff1967@mail.ru

При подписании цинским Китаем и российским правительством Пекинского договора (1860 г.) решения, касающиеся установления границ и территориальной принадлежности, были приняты без участия корейской стороны. В статье прослеживается история пограничных отношений после заключения этого соглашения и впервые отражается мнение ряда южнокорейских учёных о неправомерности Пекинского договора, определившего российско-китайско-корейскую границу.

Ключевые слова: пограничный вопрос, российско-корейская граница, территориальные споры, Пекинский договор, р. Туманган.

The problem of settlement of border disputes between Russia and Korea (the years 1860—1885).

Alexander Ivanov, Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Korean Language Department, FESUH, Khabarovsk.

On signing the Beijing Treaty by Qing China and the Russian government in 1860 the decisions concerning the border delimitation and territorial jurisdiction were adopted without Korea's participation. The article traces the history of frontier relations after conclusion of the treaty and for the first time divulges the views of a number of the researchers from South Korea on the illegality of the Beijing Treaty that defined the Sino-Russo-Korean border.

Key words: border dispute, the Russo-Korean border, territorial controversies, the Beijing Treaty, the Tumen (Tumenjiang) River.

Актуальность проблемы формирования государственных границ несомненна. Их возникновение — объективный естественно-исторический процесс. Он играет важную роль в судьбе каждой страны, так как границы определяют суверенитет, пределы и целостность государства.

В середине XIX в. территории мира в силу определённых событий и явлений стали как никогда взаимосвязанными и взаимозависимыми,

и проблема формирования государственных границ приобрела исключительно важное значение. Начало процессу образования российско-корейской границы (а впоследствии и возникновению приграничных споров между Россией и Кореей в конце XIX в.) положило заключение Пекинского договора между цинским Китаем и Российской империей (в 1860 г.). Ещё в 1854 г. правительство России, видя вассальное положение Кореи по отношению к Китаю, поручило генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву вести переговоры о разграничении восточных окраин России непосредственно с китайским правительством [1, с. 345]. Тем самым Российская империя выражала официальную точку зрения на сохранение сюзеренитета Китая над Кореей как на препятствие для подчинения Корейского п-ова другим державам. Кроме того, царская Россия не считала возможным вступать в официальные отношения с Кореей, опасаясь осложнения отношений с Китаем и недовольства западноевропейских стран.

Таким образом, устанавливая границы с Кореей, Россия предпочитала вести переговоры с цинским Китаем без участия корейского руководства, несмотря на то, что признавала Корею независимым государством. В сообщении директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел России Н. Муравьев упоминал, что, имея границу по р. Туманган, Россия в полной мере сможет поддерживать независимость своих соседей¹ [1, с. 273]. Несмотря на это, Азиатский департамент Министерства иностранных дел России рекомендовал генерал-губернатору Восточной Сибири наладить с Кореей лишь скромные пограничные отношения.

После того как в 1856 г. в Восточной Сибири была образована Приморская область, царское правительство всерьёз задумалось об установлении официальных границ на восточных окраинах империи. Результатом этих намерений стало подписание с цинским Китаем в 1858 г. Айгунского договора, по которому России передавалось всё левобережье от р. Аргунь до устья р. Амур и территория, расположенная к востоку от р. Уссури. Уссурийский край от впадения Уссури в Амур до моря оставался в общем владении впредь до определения границы. С этого же года по поручению Министерства иностранных дел России начались работы по китайско-российскому разграничению от оз. Ханка до устья р. Туманган.

14 ноября 1860 г. в Пекине подписан Пекинский договор, который подтверждал условия Айгунского договора. Но часть, касающаяся российско-корейской границы, принималась без уведомления корейской

¹ По мнению местных и центральных российских властей, России было выгоднее на дальневосточных рубежах строить отношения с независимой Кореей, нежели с находящейся в колониальной (или полуколониальной) зависимости от какой-либо крупной державы, стремящейся к экспансии собственных интересов (а значит, угрожавшей интересам России). Поэтому российское правительство вплоть до начала русско-японской войны 1904—1905 гг. отстаивало независимость Кореи в процессе дипломатических контактов с Японией (*Прим. авт.*).

стороны. В первой статье соглашения отмечалось: «...границная между двумя государствами линия от истока р. Сунгача пересекает оз. Ханкай (Ханка) и идёт к р. Бэлэнхэ (Тур), от устья же сей последней — по горному хребту, к устью реки Хибиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим за рекою Хуньчунь и морем, до р. Тумыньцзян (Туманган). Здесь также земли, лежащие на восток, принадлежат Российскому государству, а на запад — Китайскому. Границная линия упирается в р. Тумыньцзян на 20 китайских вёрст (ли) выше впадения её в море» [4, с. 35]. В момент подписания Пекинского договора правительство Кореи находилось в полном неведении, несмотря на то, что в это время (до 17 ноября 1860 г.) в Пекине находился высокопоставленный корейский чиновник Ким Гён Су, которому поручили следить за ситуацией в китайской столице. По прибытии в Корею Ким Гён Су представил в Ведомство окраинных земель (Пибёнса) отчёт, в котором ни слова не было сказано о заключённом между Китаем и Россией договоре [11, с. 146—147].

Причина неосведомлённости корейской стороны проста: Пекинский договор был заключён в строгой секретности от неё. Южнокорейские учёные предполагают, что находившемуся в Пекине Ким Гён Су было известно о подписании российско-китайского договора и о демаркации границ, но чиновник не придавал этому особого значения, поскольку считал, что соглашение не касается Кореи. Отправившийся 18 января 1861 г. в Пекин корейский посланник Чо Хви Рим по прибытии в Сеул 19 июля 1861 г. в докладе, посвящённом в основном ситуации в Китае, также ни слова не упомянул о Пекинском договоре [12].

С другой стороны, корейское правительство, хотя и тщательно отслеживало политическую ситуацию в Китае, при этом достаточно пассивно реагировало на быстро меняющуюся обстановку на собственной границе и не предпринимало даже минимальных мер по урегулированию возникающих там проблем. По всей видимости, власти Кореи при решении внешнеполитических вопросов (равно как и внутривнутриполитических) полностью полагались на волю китайского правительства.

Эта пассивность сохранялась и после того как, согласно дополнительно заключённому 21 мая 1861 г. договору, по оз. Ханка Россия и Китай начали устанавливать пограничные столбы от озера до р. Туманган. 1 июня 1861 г. для определения границы на этом участке была назначена демаркационная комиссия, которая прибыла в г. Турий Рог и на протяжении лета выполняла возложенные на неё обязанности. Она установила семь пограничных столбов, последний из которых, с литерой Т (±), поставили на р. Тумень-Ула (Туманган), на противоположном берегу от г. Кёнхын [9, с. 58]. Именно с его установлением возникли проблемы. В Записке о действиях Уссурийской граничной комиссии (от 18 августа 1861 г.) сообщалось следующее: «Из разговоров переводчика нашего с ними (китайскими чиновниками) о постановке граничных знаков оказалось, что хуньчуньский начальник, постоянно к нам враждебный,

приказал им поставить последний граничный столб на самом устье р. Тумень, а не в 20 ли от моря. При этом они объяснили, что не имеют никакого права распоряжаться левым берегом реки Тумени, который на 20 китайских вёрст принадлежит искони корейцам, почему их селения и посты находятся в этом расстоянии от берега реки, и, наконец, что корейцы могут препятствовать распоряжаться их землёю. Все эти сведения вынуждали в предупреждение всяких случайностей принять заблаговременно меры к бесспорному исполнению трактата» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 169. Л. 34, 43]. В записках привлекает внимание следующий текст: «...столб, такой же, как и предыдущий, поставлен на левом берегу р. Тумени на западной оконечности Приморского водораздела, против него на северо-запад на правом берегу реки корейский город Бянь-лянь-джи-чень (Пурён). От города и прибрежных селений идёт в наши пределы через реку множество тропинок, которая соединяются у солеварного завода, имеющего сообщение с заливом Посьета... Граница от столба идёт по реке до моря» [АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 319. Л. 267—267 об.].

Из записок ясно, что китайские местные власти и члены российской комиссии были обеспокоены тем, что корейская сторона намерена активно выступать против установления границы на территории, которую корейцы исконно считали своей.

Но, несмотря на то, что пограничные столбы устанавливались на глазах у местных властей, корейское центральное правительство не проявило интереса к этой ситуации. Согласно Записке о действиях Уссурийской граничной комиссии с 16 июня 1861 г. до окончания постановки границы, когда капитан Турбин пришёл в устье р. Туманган и разбил палатки напротив корейского города Бянь-лянь-джи-чень, на свой берег вышли местные жители и несколько чиновников переехали на лодке к русским, чтобы узнать, «что за люди и зачем пришли». Им дали прочесть китайский текст Пекинского договора. Ознакомившись с ним, они отказались взять его с собой, утверждая, что «ничего не знают об условиях, заключённых российским правительством с китайским» [АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 319. Л. 313]. Тем не менее начальник города Кёнхын Ким Сок Ён переписал содержание договора, касающегося демаркации границы по р. Туманган, и 2 июля 1861 г. сообщил об этом командующему войсками пров. Хамгёндо² Юн Су Бону [14]. Тот подал королю Чхольжону письменный доклад, который должен был поступить в Королевскую канцелярию (Сынчжонвон) 5—6 июля 1861 г. Несмотря на это, доклад Юн Су Бона не зафиксирован ни в одном официальном документе. Более того, чиновники Ведомства окраинных земель вообще не проинформировали короля о событиях на северо-востоке страны. Так, согласно Записям прецедентов Ведомства окраинных земель, с 5 по 10 июля 1861 г.

² Хамгёндо — провинция на северо-востоке Кореи, имеющая общую границу с Приморским краем по р. Туманган (*Прим. авт.*).

Чхольчжону были представлены доклады, где сообщалось о наводнении в пров. Чхунчхон и Пхёнан, а также о крушении дома и гибели людей в пров. Кёнсан [11, с. 152]. Таким образом, чиновники Пибёнса посчитали, что сообщение командующего войсками пров. Хамгён не столь требует принятия экстренных решений, как события внутри страны.

Пренебрежительное отношение к поступающей из пров. Хамгён информации явилось следствием традиционно консервативной системы ведения дипломатической деятельности, свойственной династии Ли. Строго следуя заимствованным у Китая конфуцианским традициям во внешнеполитических отношениях, корейское правительство оказалось не готово к диалогу с новым соседом. Ситуация усугублялась ещё и тем, что именно в период господства Чхольчжона управление страной пришло в состояние полного хаоса. Корейские власти, впервые в истории столкнувшиеся с проблемой установления общей границы с западным государством и не сумевшие подстроиться под новые реалии мировой политической ситуации, попытались уйти от действительности, не придав особого значения событиям на границе по р. Туманган. Так, на очередное сообщение Ким Сок Ёна 30 июля 1861 г. о попытках людей с противоположного берега реки переправиться на корейскую сторону правительство ответило: «этому не стоит придавать значения» [6]. Высшие чиновники Кореи снимали с себя полномочия по ведению переговоров с Россией и возлагали всю ответственность на местные власти.

В этой ситуации начальнику города Кёнхын, не имевшему опыта современного (на тот момент) ведения дипломатической деятельности, приходилось опираться на традиции внешнеполитических отношений, заключавшиеся в строгом запрете на общение жителей с иностранцами и отказе представителям российской власти пересекать границу Кореи. Местный правитель, отвечавший за приграничные с Россией территории, строго выполнял политику «закрытых дверей», максимально ограничивая контакты жителей с т.н. *янъи* (洋夷 ‘западными варварами’).

В конце августа 1861 г. демаркация границы по Тумангану была полностью завершена, в результате чего нижнее течение реки стало государственной границей между Россией и Кореей. Но и дальнейшие попытки русских установить приграничные отношения с местными властями упирались в сложную бюрократическую систему Кореи. Ситуация осложнялась приходом к власти Ли Ха Ына³ (отца несовершеннолетнего короля Кочжона), который ещё сильнее придерживался политики «закрытых дверей» (изоляция от западных иностранцев). Это отразилось и на российско-корейских отношениях. Так, 13 февраля 1864 г. на просьбу российской стороны о приграничной торговле новый градоначальник Кёнхына Юн Хёп ответил: «...необходимо сообщить об этом губернатору

³ В истории Кореи Ли Ха Ын больше известен под титулом *тэвонгун* (대원군, ‘принц-регент’. — Прим. авт.).

пров. Хамгён, который, в свою очередь, обязан доложить королю. Только после консультации короля с императором Цин и получения одобрения с его стороны возможно установление торговых отношений» [16, с. 55]. Подобный ответ вполне соответствовал официальной внешней политике Кореи относительно государств, с которыми не были установлены дипломатические связи. Получив сообщение начальника Кёнхына о появлении русских на границе, губернатор пров. Хамгён Ли Ю Вон дал указание «усилить охрану границы, а тех, кто будет незаконно переправляться через реку и торговать с русскими, арестовывать и прилюдно наказывать» [7, с. 55]. Узнавшая из доклада губернатора пров. Хамгён о ситуации на российско-корейской границе королева Чо посчитала, что меры по ограничению контактов недостаточны, и потребовала более активных действий по поиску и казни корейцев, вступавших в торговые отношения с иностранцами [6]. Поскольку частая смена местных органов власти в чрезвычайном положении могла привести к ещё большей дестабилизации обстановки в приграничной зоне (из-за безынициативности вновь назначаемых лиц, неспособности быстро сориентироваться в складывающейся на границе ситуации), сроки полномочий начальника Кёнхына и командующего войсками пров. Хамгён были продлены. Это предоставило им карт-бланш для дальнейших действий на границе. Уже через три месяца после получения указаний, 15 мая 1864 г., губернатор Хамгёна докладывал королевскому двору о том, что нарушившие закон о пересечении границы задержаны и казнены, а их головы выставлены напоказ на берегу р. Туманган [12].

Вместе с тем российские власти не теряли надежды наладить с Кореей устойчивые приграничные отношения. Но отправленный летом 1865 г. в Кёнхын с целью установления приграничной торговли штабс-капитан П.А. Гельмерсен получил решительный отказ со стороны начальника города. Чиновник ссылался на то, что, согласно корейским законам, иностранцам запрещён въезд на территорию Кореи. Несмотря на это, пуса (градоначальник) Кёнхына передал предложение российской стороны об установлении торговых сношений между пограничными жителями обеих стран губернатору пров. Хамгён. Однако тот по приказанию из Сеула ответил: «...при появлении русских торговых людей местные пограничные власти должны принять от них бумаги и тотчас доставить их в губернский город, а русским предложить ожидать на границе» [14, с. 367]. Последующие две попытки завязать сношения с корейцами, предпринятые П.А. Гельмерсеном в ноябре — декабре 1865 г., также оказались неудачными. Оба раза он получал один и тот же ответ: пограничные власти Кореи не могут пропустить его «без разрешения из столицы, которое не может прийти ранее трёх месяцев» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 24. Л. 94]. Вернувшись из поездки в Кёнхын в декабре 1865 г., Гельмерсен решил прекратить переговоры с корейской стороной по поводу приграничных связей ввиду их бесполезности.

Таким образом, первая попытка восточносибирских властей вступить в официальный контакт с Кореей для установления соседских отношений окончилась безрезультатно. Более того, после событий 1866 г., когда американские и французские корабли попытались насильно вторгнуться на территорию Кореи, центральные власти страны ужесточили пограничный режим с Россией, запретив местным властям любые сношения с российской стороной [11, с. 162]. Государственным советом (*Ыйчжонбу*) было внесено предложение о военном противодействии России в случае «продвижения русских на юг» [8]. Вскоре по указанию центрального правительства начальнику Кёнхына Юн Хёпу было поручено укрепить обороноспособность границ, и в апреле 1867 г. он организовал подразделение из 164 отборных стрелков [10, с. 96]. К весне 1869 г. вдоль р. Туманган располагалось 37 пограничных постов, однако это укрепление не смогло сдержать начавшийся в конце 60-х гг. XIX в. массовый исход корейцев на российский Дальний Восток. Только в конце 1869 г. из Хамгёна на российскую территорию прибыли 7 тыс. чел., спасавшихся от голода, наступившего в северной Корее [10, с. 110]. Опасаясь, что массовый переход корейцев через границу может осложнить отношения с Кореей, военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм в декабре 1869 г. предписал исполняющему дела пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае князю Трубецкому отправиться на границу Кореи и согласовать с корейским пограничным начальством меры по приостановлению корейского переселения и возможному возвращению корейцев из России на родину [ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 24. Л. 19].

Через год пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Трубецкой прибыл для переговоров в Кёнхын с целью добиться соглашения с корейской стороной по поводу переселенцев. После продолжительного обсуждения начальник города вручил ему письменное обязательство, в котором корейская сторона обещала «всеми мерами препятствовать переходу корейцев на русскую землю» [АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 319. Л. 307. Л. 33]. Это были первые официальные переговоры между Россией и Кореей: корейские власти вручили российской стороне официальные документы, а представители России впервые добились выполнения своих требований. С этого времени корейское правительство провело ряд мероприятий в пров. Хамгён для прекращения массовой эмиграции — снова усилило пограничный гарнизон. К осени 1871 г. число пограничных постов по р. Туманган увеличилось до 67, а численность несших охрану границы на них достигла 200 чел. [11, с. 165]. Но, несмотря на российско-корейскую договорённость об усилении наблюдения за сопредельной территорией, отсутствие дипломатических отношений между двумя государствами не могло способствовать полному решению проблем на границе.

В 70-х — начале 80-х гг. XIX в. российские власти не торопились устанавливать официальные торговые отношения с Кореей. Приамурские

власти русского Дальнего Востока, несмотря на заявления ряда видных политиков о необходимости вести переговоры с Кореей о заключении с ней торгового соглашения, считали это преждевременным и даже вредным [3, с. 92]. Причиной называлось то, что русско-корейская торговля, как писал в 1880 г. генерал-губернатор Приамурского края Д.Г. Анучин, находится в зачаточном состоянии, а значит, «...всякая относительная регламентация была бы не только излишняя, но и вредна, так как она связала бы нам руки на будущее время, когда с постепенным развитием торговли она оказалась бы уже стеснительной» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 99—102].

Однако после заключения Кореей ряда договоров с западными державами Россия также решила активизировать отношения с пограничным соседом. Но в отличие от западных государств, стремившихся заключить неравноправные договоры с правительством самой Кореи (предусматривавшие также установление дипломатических отношений), российское правительство старалось ограничиться сношениями на границе, при этом обращаясь за посредничеством к Китаю. Так, 5 июня 1882 г. посланник России в Пекине Е.К. Бюцов вручил китайским министрам письмо с предложением провести русско-корейские переговоры в непосредственной близости от границы между Россией и Кореей. В этом письме, в частности, сообщалось: «...для того, чтобы отношения их (России и Кореи. — *А.И.*) были поставлены в удовлетворительные условия, в интересах обеих стран требуется, чтобы договор между ними обнял также значительные пограничные вопросы» [2, с. 69—70].

Прибывший в Сеул китайский дипломат Ма Цинчунь, отправленный для передачи корейскому правительству русских предложений, высказался против приграничных сношений и сухопутной торговли между Россией и Кореей [18, с. 128]. По рекомендации китайской стороны корейское правительство не согласилось вести переговоры с представителями России вблизи границы, сославшись на то, что торговая деятельность здесь осуществляется весьма пассивно в связи с отсутствием у российской границы крупных населённых пунктов [8, с. 328].

Несмотря на это, председатель Госсовета Ли И Чжон в письме временно исполняющему обязанности главноуправляющего торговлей в северных портах Чжан Шу Шену сообщил, что переговоры об установлении дипломатических отношений с Россией возможно вести при условии установления в северной части о-ва Нокто (鹿島) корейских пограничных знаков. По мнению корейских учёных, уточнение высокопоставленного чиновника по поводу установления корейской стороной контроля над о-вом Нокто является первой попыткой корейцев заявить российским властям о своих территориальных претензиях [17, с. 15—16]. Несмотря на этот диалог, окончательная позиция в отношении перспектив приграничных переговоров была изложена в официальном письме ведомства иностранных дел Китая Бюцову от 18 июля 1882 г., в кото-

ром ни слова не сообщается о территориальных претензиях Кореи. Акцент в данном письме был сделан на то, что корейская сторона готова вести переговоры с российскими властями лишь относительно заключения соглашения о морской торговле [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 214. Л. 73]. Получив такое объяснение, Е.К. Бюцов поставил в известность генерал-губернатора Восточной Сибири, что «ввиду.. отказа тамошнего правительства вступить в переговоры с нами по пограничным делам... отправление консула в Корею будет приостановлено до получения дальнейших указаний императорского министерства» [АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 6. Л. 190—192].

Во второй половине 1882 г. королевский двор государства Чосон стал более активно интересоваться приграничными территориями. В сентябре 1882 г. ван Кочжон дал указания двум своим агентам, Ким Гван Хуну и Син Сон Уку, тайно проникнуть на территорию России и собрать наиболее полную информацию о ситуации на левом берегу р. Туманган. 25-го числа 9-го месяца 19-го года правления Кочжона (1882 г.) Ким Гван Хун и Син Сон Ук переправились через р. Туманган в районе г. Кёнхын и исследовали прилегающие к корейской границе территории, в том числе и о-в Ноктундо. После возвращения 5-го числа 11-го месяца этого же года агенты составили доклад «О землях на левом берегу (Тумангана)» (江左與地記, Канъчжваёчжиги⁴), представляющий информацию о географических особенностях приграничных районов России, а также о состоянии российских боевых сил на границе с Кореей [17]. В частности, в нём сообщалось, что в районе Ноктундо проживает 113 корейских семей общей численностью 822 чел.

В январе 1883 г. ван Кочжон направил инспектора северных провинций (서북경략사) О Юн Чжуна в пров. Хамгён для решения проблемы перехода корейцев на территорию России и Китая, прояснения ситуации с корейско-китайской торговлей, а также вопроса о принадлежности Кореи районов Кандо и Ноктундо. Кочжон дал О Юн Чжуну указание разобраться, действительно ли последний район является корейской территорией и как можно решить проблему его возвращения [13].

Понимая, что при отсутствии дипломатических отношений с Россией вести непосредственные переговоры о возможности передачи о-ва Ноктундо Корею будет весьма затруднительно, О Юн Чжун обратился за посреднической помощью к китайским властям г. Хуньчуня. В результате предварительных переговоров с китайскими чиновниками о возможности возвращения острова корейскому государству О Юн Чжуну было отказано в содействии со стороны Китая. Нежелание вмешиваться в дела, касающиеся межгосударственных отношений Кореи и России, местные

⁴ По мнению южнокорейских учёных Син Сын Гвона и Син Мён Хо, доклад «О землях на левом берегу (Тумангана)» был составлен в конце 1882 — начале 1883 г. (Син Сын Гвон. Канъбук ильки, Канъчжваёчжиги, Агукёчжиги. Соннам: Хангук-мунхваёнгувон, 1994).

китайские власти аргументировали тем, что о-в Ноктундо «уже принадлежит Российской империи» [10, с. 85]. После этого О Юн Чжун дал указания начальнику Кёнхына согласно уже существующей традиции вступить в переговоры с пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края относительно возвращения о-ва Ноктундо Корею. Начальник Кёнхына составил и передал российской стороне письмо, в котором выражалась просьба рассмотреть вопрос о передаче о-ва Ноктудо корейским властям, что, по словам чиновника, послужило бы «улучшению дружеских и добрососедских отношений между двумя государствами» [10, с. 85].

Не получив ответа с российской стороны, инспектор северных провинций вернулся 4 октября 1883 г. в Сеул и составил подробный доклад королю о районе Ноктундо. В частности, в нём О Юн Чжун сообщает, что на Ноктундо, восточная часть которого в результате песчаных наносов соединилась с левым берегом р. Туманган, проживают корейцы, соблюдающие обычаи и традиции Кореи и не признающие русских традиций. Инспектор особо отмечал, что этот район издавна являлся корейской территорией [13]. Несмотря на данные доклада, ван Кочжон посчитал бессмысленным решать территориальный вопрос без официальных переговоров с Россией, и «проблема Ноктундо» не поднималась вплоть до установления дипломатических отношений между двумя государствами. Немалую роль в отказе от принятия серьёзных шагов в урегулировании пограничных вопросов сыграло и давление китайского правительства. В 1884 г. наместник столичной провинции Чжили Ли Хун Чжан отправил вану Кочжону «Памятную записку», в которой предостерегал корейского правителя от сближения с русскими, доказывая, что русские намереваются захватить Корею, используя малейшие недоразумения на границе [2, с. 92—93].

Российское правительство также старалось избегать принятия конкретных решений, касающихся пересмотра границы с Кореей. В составленной в начале 1884 г. российским посланником в Пекине С.И. Поповым инструкции К.И. Веберу, направлявшемуся в Сеул для подписания российско-корейского договора, указывалось, что оформление пограничных отношений России и Кореи — «предмет особых переговоров и отдельного международного акта» [АВПРИ. Ф. 195. Оп. 529. Д. 595. Л. 33—34].

С установлением 25 июня (7 июля) 1884 г. дипломатических отношений с Россией у корейского правительства появилась возможность обсуждения пограничных вопросов на официальном уровне. К.И. Вебер, которому поручили подписание договора о дружбе и торговле, в ходе беседы с корейскими министрами коснулся проблемы пограничного сотрудничества. Однако его предложения не были включены в текст договора. Корейские переговорщики предпочитали действовать с оглядкой на Китай, считая, что решение пограничных вопросов с Россией вызовет недовольство последнего, крайне негативно относящегося к любым контактам вблизи его собственной границы.

Надеясь на то, что цинское правительство, неудовлетворённое подписанным в 1860 г. Пекинским договором, практически перекрывшим выход Китая к Японскому морю, выдвинет России новые требования по демаркации границы, корейская сторона в 1885 г. предложила провести переговоры между тремя государствами по урегулированию пограничного спора [16, с. 19—20]. Китайское руководство, понимая, что укрепление двусторонних приграничных отношений между Россией и Кореей в непосредственной близости от китайской границы не будет способствовать усилению позиций Китая в этом регионе, настояло на проведении переговоров без участия корейской стороны. В апреле 1886 г. на переговорах в Хуньчуне представители Китая попытались убедить российскую делегацию в ошибочности заключённых ранее соглашений, решив тем самым добиться изменения той части границы, которая проходила по р. Туманган, и перенести пограничные знаки ближе к месту впадения реки в Японское море [11, с. 123]. Получив отказ со стороны российской делегации, цинское правительство окончательно лишилось возможности представлять и отстаивать интересы Кореи при решении пограничных вопросов с Россией. По результатам переговоров китайское руководство выразило корейской стороне лишь сожаление, сославшись на неверно составленные в момент передачи России территории топографические документы. Тем самым, по мнению директора научно-исследовательского института по территориальным вопросам в Восточной Азии Ян Тхэ Чжина, официальные лица Китая признали «неблагоразумность заключения российско-цинского договора 1860 г.» [18, с. 287].

Исходя из этого, южнокорейские учёные считают, что Россия, пользуясь неспособностью корейского королевского двора отстаивать свои позиции на границе с соседними государствами, заключила с Кореей неравноправные договоры, тем самым укрепив свои позиции на корейско-российской границе. Кроме того, по мнению учёных РК, заключение между Россией и Китаем Пекинского договора, определившего российско-китайско-корейскую границу, является предметом территориального спора между тремя государствами, поскольку соглашение было подписано русскими и китайцами без участия и уведомления корейской стороны [11, с. 179]. В связи с этим директор научно-исследовательского института по территориальным спорам в Восточной Азии Ян Тхэ Чжин утверждает, что отсутствие официальных документов, в которых Корея признаёт демаркацию границы между цинским Китаем и царской Россией, является поводом для непризнания корейской стороной Пекинского договора, а значит и официальной границы между Россией и Кореей.

Подобные заявления южнокорейских учёных по поводу проблемы урегулирования приграничных вопросов между Россией и Кореей в 60—80-х гг. XIX в. можно расценивать как подготовку теоретической базы для предъявления Российской Федерации территориальных претензий в случае возможного объединения Республики Корея и КНДР,

в результате которого все договоры с сопредельными странами, заключённые северокорейскими властями на межгосударственном уровне, будут признаны недействительными. Нельзя с уверенностью заявить, иницируются ли эти выводы органами государственной власти Республики Корея, но следует заметить, что подобные идеи не встречают противодействия со стороны официальных властей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Барсуков И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М., 1891.
2. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 1. М.: ИВ РАН, 2004.
3. Пак Б.Д. Россия и Корея. М.: ИВ РАН, 2004.
4. Русско-китайские отношения 1618—1916 гг.: официальные документы. М., 1958. С. 34—40.
5. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856—1881 гг. СПб., 1900.
6. Ильсоннок. 1-год правления Кочжона (1864). 2 марта.
7. Кванса тыннок = Записки сеульского ведомства, лист 42, февраль 1864. Сеул, 1990.
8. Кочжон сидэса = История периода правления Кочжона. Т. 2. Сеул, 1969—1972.
9. Пак Тхэ Гын. 1860нён Пуккён чоякква халло куккёный соннип = Пекинский договор 1860 г. и установление корейско-российской границы // Ёнтхо мучже ёнгу = Исследования территориальных споров. 1983. № 1.
10. Сим Хон Ён. Росиаый кыктончинчхуль чоллякква куккёныйль тулоссан чоро янгуе тэын = Российская стратегия выхода на Дальний Восток и действия обоих государств вокруг российско-корейской границы // Кунса. 2005. № 56.
11. Син Мён Хо. Сипкусеги чорой куккён хёнсонгва Туманган хагуый тосо ёнхэ пучжэн = Образование границы между Кореей и Россией в XIX веке и споры вокруг островов и территориальных вод в устье реки Туманган // Сипкусеги Тонбуга саэгуге тосо пунжэнгва хэянкёнге = Споры четырёх государств Северо-Восточной Азии вокруг островов в XIX в. и морские границы. Сеул, 2008.
12. Сынчжонвон ильки = Дневники Сын Чжон Вона. 19 июля 1861.
13. Чончжон ёнпхё = Хроники правления династии Ли. Т. 3. 20-й год правления Кочжона (1883 г.), январь.
14. Чосон са ёнпхо = Хронология по истории Кореи. Пхеньян, 1957.
15. Чхольчжон киса = Записки периода правления Чхольчжона. Т. 9. Гл. Пхириим, июль 1861.
16. Ю Ён Бак. Тэчхон квангеесо пон Ноктундой квисок мунчже = Проблема возвращения острова Ноктундо, исходя из отношений с империей Цин // Ёнтхо-мунчже ёнгу. 1985. № 2.
17. Ю Ён Бак. Чансогак сочжан канчжва ёчжиги нонго = Изучение «Записок о землях на левом берегу», хранящихся в Чансонгаке // Кукхак чарё = Материалы по страноведению. 1980. № 38.
18. Ян Тхэ Чжин. Чоягыро пон ури ттань ияги = Рассказы о корейских землях, упоминаемых в официальных договорах. Сеул, 2007.
19. Chien F. The Opening of Korea. A Study of Chinese Diplomacy 1876—1885. Taipei, 1967.
20. АВПРИ (Арх. внешней политики Российской империи).
21. ГАИО (Гос. арх. Иркутской области).
22. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).